



РЕЦЕНЗИИ

УДК 141.201

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ И СМЫСЛОВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ XIX ВЕКА

М.А. ШАРОВА*Калужский
государственный
университет
имени К.Э. Циолковского**e-mail:
SHAROV.KALUGA@mail.ru*

В рецензируемой монографии доктора философских наук, профессора А.С. Стрельцова «Великое служение русской религиозной философии» анализируются проблемы методологии культуры, а также рассматриваются традиции русской мысли как уникального социокультурного явления.

Ключевые слова: русская религиозная философия, культура, методология, историко-философский синтез.

Исследования по истории русской философии можно проследить по двум направлениям. Первое связано с проведением анализа персоналий, представителей русской философии их философских систем. Такой подход традиционен для историко-философской науки, и он в русской философии развит довольно широко и хорошо. Здесь можно назвать множество исследователей и их работ. Довольно обратиться к энциклопедическим изданиям по русской философии под редакцией М.А. Маслина. Второе направление имеет в некотором роде позитивистское содержание, в хорошем смысле этого слова, и направлено на проведение обобщающих выводов относительно общих характеристик русской философии и ее особенностей, отличительных черт, в мировой философской культуре. Именно в этом поле размещена работа: «Великое служение русской религиозной философии».

В монографии А.С. Стрельцова «Великое служение русской религиозной философии» традиции русской мысли рассматриваются как уникальное, характерно русское социокультурное явление, вобравшее в себя глубокие и оригинальные идеи, обосновывающие иное восприятие и понимание христианства, нежели западная практика, и утверждающие новый подход к основным вопросам культуры, жизни, формированию целостного мировоззрения. Русская религиозная философия предстает как исключительно богатое и новое по замыслу и духовной смелости национальное культурное течение, в котором «мысль христианского Востока дает свой ответ на мысль христианского Запада» (Н.А. Бердяев). Издание включает сборник научных работ, выступления на конференциях разных уровней, а также положенное в основу диссертационное исследование, затрагивающие ценности русской философии, поиск истоков национального самосознания, место и роль Калужского края в формировании русской философии (краеведческий материал), что делает работу, безусловно, актуальной. Ценность имеет анализ культурологических проблем русской религиозной философии, значимых не только на современном переломном этапе общественного развития, но и на перспективу. Автор убедительно показывает, что реалистичную, достоверную аналитику «русского культурного слоя» невозможно реализовать умозрительно без специального обращения к соответствующему историко-философскому



материалу. По сути, здесь решается важная мировоззренческая и социокультурная проблема интеграции человека в общество, отыскания им своего места и предназначения в специфике отечественной культуры (национальная идентификация).

Методологическая полисемия теорий культуры (обращение к работам Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, П.С. Гуревича, А.С. Кармина и др.) позволяет автору выработать собственное концептуальное понимание культуры как «присущий только человеку, активный, осознанный способ жизнедеятельности, особый образ жизни, выделяющий его в природе и дающий ему возможность применить природные условия для своего развития и совершенствования многообразных общинных форм организации его жизни» (С.89). Теоретическая значимость заключена в интегральном рассмотрении методологических проблем взаимосвязи философии и культуры в онтологическом, антропологическом, историософском планах. Культурологическая составляющая направлена на констатацию обусловленности новых исторических перспектив развития России от степени духовной свободы, религиозной зрелости, «исторической памяти».

Во введении «Шесть тезисов о философии» философия характеризуется как фокус человеческой мысли в различных преломлениях культуры: чистая мысль, путь человека в мир, научная деятельность, результат общения (расширение кругозора, общение как проповедь), парадигмы гносеологии, методологическая канва культуры (С. 5 – 8). Статья «Современное прочтение «старого» и «нового» или своеобразные размышления о философских проблемах общества» актуализирует дискуссию «славянофильского» и «западнического» путей культурного развития России, а также неразрешенность и современное обострение: географических, культурных (П.Я. Чаадаев), социокультурных (Н.Я. Данилевский), религиозных (В.С. Соловьев), социально-психологических (Н.А. Бердяев), политических (К.Н. Леонтьев) пластов историософского содержания проблемы «Запад – Россия – Восток». Автор констатирует наличие историко-методологической ошибки при исследованиях общественных процессов в России, жалеет о преобладании в русском социуме прозападных позиций в ущерб культурной аналитики отечественной ментальности (С. 9 – 10). Причины дисбаланса А.С. Стрельцов полагает в неправильном понимании социокультурного предназначения интеллигенции, которая навязывала народу «внешние», не связанные с его истинными интересами, а с «чужими» ценностями идеи, которые так и не удалось полностью (безраздельно) внедрить. В отличие от Г.П. Федотова (интеллигенция – категория профессиональная), он определяет ее как категорию социальную, следовательно, обособленную от культурно – исторической «почвы» развития России. Непонимание культурных путей развития России выражено смысловым содержанием «лозунгов» русской интеллигенции XIX века: «Кто виноват?» (А.И. Герцен), «Что делать?» (Н.Г. Чернышевский). Непонятные культурные парадигмы: соборность (А.С. Хомякова), византизма (К.Н. Леонтьева), всеединства, и Богочеловечества (В.С. Соловьева), «общее дело» (Н.Ф. Федорова) и т.д.

В работе «Разочарованный славянофил» земли Калужской (Константин Леонтьев в русском философском наследии)» А.С. Стрельцов освещает культурно-эстетическую составляющую наследия мыслителя. Важность приобретает анализ дипломатической деятельности философа (п-в Балканы, 1863 – 1874), поскольку именно пребывание К.Н. Леонтьева на посольской службе послужило «культурным толчком» к аналитической составляющей греческо-турецкой жизни и российско-европейской политики, уяснению духовного авторитета русской культуры («Из жизни христиан в Турции», «Грамотность и народность», «Византизм и славянство» и т.д.). В статье показано, что принципиальная философская «сравнимость» России и Запада определяется, прежде всего, тем, что вся русская философия обращена лицом к философии европейской и все ее основные проблемы являются проблемами европейской философии. В то время как К.Н. Леонтьев обращался к «духу творчества, духу искания», а не приспособления и видел необходимость «подморозить» Россию от тлетворного влияния прогресса. Автор пишет, что «вопросы социального развития для К.Н. Леонтьева были далеко не риторическими, а практическими. Он видел, что русская интеллигенция, всегда довольно восприимчивая ко всякого рода иностранным нововведениям, пытается предложить России подобное устройство, но русский народ ... не готов» (С. 27). Как альтернативу прозападным

позициям К.Н. Леонтьев предлагал пять принципов «здорового государственного устройства» (С. 27).

«Великое служение русской философии» (С. 39 – 56) определялось глубоко функциональным проникновением философии в сущность бытия, национальной культуры. Автор раскрывает не только универсальность философии как области человеческого знания, но и показывает ее национальные характеристики. А.С. Стрельцов справедливо обозначил необходимость обоснования категории «школа русской философии», что в современной философской науке является методологической проблемой. В этом вопросе заслуживает внимание его обращенность к трудам мыслителей XIX века, современной литературе (А.А. Корольков, М.А. Маслин, А.П. Козырев, В.А. Ванчугов, М.Н. Громов и др.), материалам Российских философских конгрессов (С.-Петербург (1997), Екатеринбург (1999), Ростов-на-Дону (2002), Москва (2005), Новосибирск (2009)). Отмечена двойственность исследования русской философии в современной науке: на уровне всего философского процесса в России, и на уровне национальной философии. В монографии представлен аналитический материал, характеризующий проблематику русской философии как национального типа мышления (самобытность «школы русской философии» в ее уникальной связи с религией).

«Духовным рыцарем земли Российской» по праву можно считать И.В. Киреевского. В этой статье, по нашему мнению квинтэссенции книги в целом, определены место и роль русской философии в русской культуре и в мировом культурно-историческом пространстве. И.В. Киреевский как истинно русский философ представлен не только как знаковая фигура славянофилов, но и как автор «невидимой основы жизни», давшей развитие всему русскому уму (С. 57 – 61). Действительно, И.В. Киреевского можно назвать одним из первых среди мыслителей, утвердившего особый способ познания мира («цельное знание»), показавшего культурную необходимость создания отечественной философской традиции, поставившего в центр размышления проблемы России, философского осмысления.

В статье «Познание как творческий прорыв человека в область духовной свободы (о философии Н.А. Бердяева)» автор раскрывает поиски практического выхода философии свободы и творческого воплощения человека в областях познания и историософии (С. 62 – 69). Интерес представляет содержательное определение сути философии мыслителя, данное А.С. Стрельцовым, как инструмент, творческий акт преобразования мира, где традиционные способы познания уступают место новым, поскольку даже «критическая философия И. Канта не смогла соединить познающего субъекта с бытием» (С. 63). Для русской философии это означало, что творческий акт не мог быть актом научным и должен выходить за пределы необходимости, разрывая с условиями обыденности, поскольку познание есть условие раскрытия Истины. «Интеллигенция не могла бескорыстно относиться к философии, потому что корыстно относилась к самой Истине (Н.А. Бердяев). Поэтому подлинная философия оставалась закрытой и непонятной» (С. 62). Н.А. Бердяев утвердил единство веры и знания в процессе познания национальной традицией русской философии и культуры, где задачей философии стал поиск Истины, а не истин; и верховенство закона принадлежало Богу. Так формировался новый тип религиозно-антропологической, идеалистической по своим основаниям, опирающийся на «новый мистицизм» философии жизни, где философия духа, ставящая в центр своей проблематики новое оправдание человека (новую антропологию), акцентирует активистские, связанные со свободой и творчеством, персоналистские и экзистенциалистские идеи, а в философско-дисциплинарном отношении первостепенными становятся космологические, а затем этические и онтологические измерения. Судьба конкретного человека становится предметом исторического познания.

Обращение к ретроспективе философской мысли, несомненно, является своеобразным импульсом к дальнейшему выбору оптимального пути развития, определению социокультурной ситуации, что раскрыто в статье «Русская классическая философия и идейные истоки демократии в России». Автор показывает значимость русской философии в процессе формирования русской политической культуры (К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.В.Киреевский, В.С. Соловьев, СЛ. Франк, И.А. Ильин и др.). Особое место придается нравственной культуре права как мере знаний и умений индивида (С. 73); совесть рас-



сма­три­ва­ет как некий внут­рен­ний (= Бог) и внеш­ний (= собор­ность) усло­вие самоопре­де­ле­ния че­ло­ве­ка. В плане от­ка­за от «пра­ва си­лы» вза­мен утвер­жде­ния «си­лы пра­ва» автор соли­дарен с кон­цеп­цией В.С. Со­ловье­ва, по­ла­га­вше­го истин­ный про­гресс че­ло­вечес­тва в нрав­ствен­но­сти, гу­ман­но­сти.

Раз­ра­бот­ке те­о­рии ку­ль­ту­ры, ис­сле­до­ва­нию все­го спек­тра со­цио­куль­тур­ных про­цес­сов в рус­ском об­щес­тве по­свя­ще­на ра­бо­та «Фи­ло­со­фия и ку­ль­ту­ра в рус­ской мы­сли XIX – на­ча­ла XX вв.», где автор учи­ты­ва­ет на­ци­о­наль­ное свое­об­ра­зие и спе­ци­фи­ку раз­ви­тия рус­ско­го об­щес­тва об­оз­на­чен­но­го пе­ри­о­да. В ме­то­до­ло­гичес­ком плане А.С. Стрель­цов гра­мот­но по­до­шел к ана­ли­зу тру­дов отечес­твен­ных и за­ру­бе­ж­ных ку­ль­ту­ро­ло­гов, исто­ри­ков ку­ль­ту­ры, фи­ло­со­фов для утвер­жде­ния соб­ствен­ной на­уч­ной по­зи­ции (С. 79 – 91). Вы­чле­не­ние ди­алек­ти­ки ге­не­ти­чес­ко­го, ис­то­ри­чес­ко­го и ло­гичес­ко­го пла­нов фор­ми­ро­ва­ния тра­ди­ции рус­ской фи­ло­со­фии и ку­ль­ту­ры со­став­ля­ет но­ви­зну дан­но­го ис­сле­до­ва­ния. Ме­то­до­ло­гичес­кой на­ход­кой А.С. Стрель­цова яв­ля­ют­ся но­вые смы­словые ха­рак­те­ри­сти­ки фи­ло­со­фии и ку­ль­ту­ры в их ор­га­ни­чес­ком еди­нстве и ин­те­граль­ной вза­имосвя­зи. К та­ко­вым можно от­не­сти: ре­кон­струк­цию и се­ман­ти­чес­кий ана­лиз по­ня­тий «рус­ская фи­ло­со­фия», «фи­ло­со­фия в Рос­сии», «рус­ская фи­ло­со­фская шко­ла», «ку­ль­ту­ра», «на­ци­о­наль­ная ку­ль­ту­ра»; опре­де­ле­ние на­ци­о­наль­ных тра­ди­ций рус­ской ре­ли­ги­оз­ной фи­ло­со­фии и их зна­че­ние для фор­ми­ро­ва­ния ку­ль­ту­ры Рос­сии; ана­лиз то­чек со­пря­же­ния /ди­ф­фе­рен­ци­а­ции пре­д­ме­та, ме­то­дов, функ­ций фи­ло­со­фии и ку­ль­ту­ры и т.д. В ра­бо­те по­ка­зана об­ус­ло­в­лен­ность об­щес­твен­но­го раз­ви­тия от уров­ня сфор­ми­ро­ван­но­сти ку­ль­ту­ры, а та­же ми­ро­воз­зрен­чес­кой си­ту­а­ции в стра­не, что наш­ло от­ра­же­ние в ста­нов­ле­нии но­во­го ти­па на­ци­о­наль­но­го мы­шле­ния (= рус­ской фи­ло­со­фии). Рус­скую ре­ли­ги­оз­ную фи­ло­со­фию он рас­сма­три­ва­ет как кон­стан­ту ду­хов­ной жи­зни об­щес­тва XIX – на­ча­ла XX ве­ков. Автор спра­вед­ли­во по­ла­га­ет, что ло­гика воз­ник­но­ве­ния, ста­нов­ле­ния и раз­ви­тия ку­ль­ту­ры ро­жда­лась в слож­ном про­цес­се со­вер­шен­ст­во­ва­ния са­мо­го че­ло­ве­ка и его об­щес­твен­ных форм ор­га­ни­за­ции (С. 111), от­сю­да не­рав­но­знач­ность ку­ль­тур­ных эле­мен­тов в той или иной кар­тине ми­ра. Так стиль тра­ди­ции рус­ской ре­ли­ги­оз­ной фи­ло­со­фии опре­де­ля­лся им не на­ци­о­наль­ной при­над­ле­ж­но­стью мы­сли­те­лей, а ха­рак­те­ри­сти­ками фи­ло­со­фст­во­ва­ния (фи­ло­со­фскими спе­ку­ля­ци­ями). «На­ци­о­наль­ный че­ло­век – боль­ше, а не мень­ше, чем про­сто че­ло­век, в нем есть ро­до­вые чер­ты че­ло­ве­ка во­об­ще и еще есть че­ты ин­ди­ви­ду­аль­но-на­ци­о­наль­ные» (Н.А. Бер­дя­ев). На опре­де­ле­ние по­след­них как ми­ро­воз­зрен­чес­ки-цен­но­стных ос­нов рус­ской ку­ль­ту­ры об­ра­щена ав­тор­ская ана­ли­тика. А.С. Стрель­цов спра­вед­ли­во раз­во­дит по­ня­тия «фи­ло­со­фия в Рос­сии» и «рус­ская фи­ло­со­фия», утвер­жда­я не­воз­мож­ность а­при­ор­но­сти на­ци­о­наль­но­го мен­талитета без ку­ль­тур­ной иден­ти­фи­ка­ции че­ло­ве­ка. В рус­ской ку­ль­ту­ре та­ким лак­му­сом вы­сту­па­ет пра­во­слав­ная ве­ра. «Он­то­ло­гичес­кая ха­рак­те­ри­сти­ка рус­ской фи­ло­со­фии рас­кры­ва­ется в ее тес­ной свя­зи с ре­ли­ги­ей. Но фи­ло­со­фия пре­вра­ща­ет пре­д­мет ве­ры в си­сте­ма­ти­чес­кое зна­ние по сред­ствам мы­шле­ния о нем, по­это­му гно­се­о­ло­гия ста­но­вить­ся ча­стью он­то­ло­гии, для то­го, что­бы что-то зна­ть, не­об­хо­ди­мо уже «быть» (С. 142, 156). Автор по­ла­га­ет, что ис­сле­до­ва­ние рус­ской фи­ло­со­фии не­об­хо­ди­мо осу­ществ­лять в по­ис­ке ее внут­рен­них ка­чес­твен­ных ха­рак­те­ри­стик, а не толь­ко в срав­не­нии с дру­гими фи­ло­со­фе­ма­ми. К по­сту­ла­там рус­ской на­ци­о­наль­ной ку­ль­ту­ры он от­но­сит: идею собор­но­сти рус­ско­го са­мо­соз­на­ния и рус­ской фи­ло­со­фии, уче­ние о Со­фии – Пре­муд­рой (со­фи­о­ло­гию), уче­ние о все­дин­стве, что при­да­ет рус­ской фи­ло­со­фии ори­ги­наль­ность в ми­ро­вой фи­ло­со­фской ку­ль­ту­ре. Впро­чем, пред­ла­га­е­мый ав­то­ром спи­сок можно про­дол­жить... Сво­е­об­разна трак­тов­ка им «рус­ской ре­ли­ги­оз­ной фи­ло­со­фии как са­мо­сто­ятель­ной фи­ло­со­фской шко­лы», пред­став­ля­ющей «не­кое объ­еди­не­ние фи­ло­со­фов на ос­нове еди­нства или зна­чи­тель­но­го сов­па­де­ния ме­то­до­ло­гичес­ких прин­ци­пов фи­ло­со­фских си­сте­м и взгля­дов рус­ских мы­сли­те­лей» (С. 163). Та­же автор пред­ла­га­ет соб­ствен­ное ори­ги­наль­ное рас­сма­три­ва­ние ка­те­го­рии «ку­ль­ту­ро­ло­гичес­кая кар­тина ми­ра», по­ни­мая под ней «кар­тину ми­ра, в цен­тре ко­то­рой сто­ит че­ло­век, ос­ва­и­ва­ю­щий свое на­лич­ное бы­тие с це­лью его ду­хов­но­го со­вер­шен­ст­во­ва­ния». В он­то­ло­гии А.С. Стрель­цов ак­цен­ти­ру­ет эк­зи­стен­ци­аль­ное (че­ло­век часть бы­тия) и объ­ек­тив­ное ви­де­ние бы­тия (бы­тие ос­нова су­щес­т­во­ва­ния че­ло­ве­ка), а ку­ль­ту­ро­со­фское со­дер­жа­ние рус­ской мы­сли вы­во­дит из по­ис­ка субъ­ек­том смы­сла ис­то­рии и соб­ствен­но­го бы­тия (ис­то­ри­со­со­фский про­цес­с, про­бле­ма «лич­ной те­оди­цеи»). В мо­но­гра­фии «слу­же­ние рус­ской ре­ли­ги­оз­ной фи­ло­со­фии» рас­сма­три­ва­ется им как

включение человека в контекст отечественной, а затем и мировой культуры посредством формирования ценностного мировоззрения, логико-понятийного аппарата понимания культуры, самопознания национальной культуры, национальной идентификации в единстве понятий: «вера – человек – добро». В этом плане автор делает достаточно смелое и спорное утверждение, что «русская культура не имеет других методологических инструментов познания общества, кроме русской философии, вобравшей в себя достижения мировой философской мысли и применившей их в специфике изучения России, россияневедения» (С. 204). Возникает логический вопрос о правомерности признания наличия обществ: языческого (древние славяне V в. – 988), раннехристианского (X – начало XI вв.), советского (1917 – 1991) как фактической данности, но без культурного национально-колорита? Однако, думается, что утверждая русскую философию как основу национальной культуры автор все же хотел показать необходимость формирования не только культурной национальной самодостаточности, но и генетического, вневременного единства русского народа. По данной проблеме убедительны его обращения к культурному наследию западников (сознательное творчество) и славянофилов (бессознательное творчество) на процесс исторического самоопределения России. Коллективизм (= соборность) являлся, несомненно, положительной «культурной», «исторической» памятью народа. Принято считать, что с реформ Петра I (но, возможно, и раньше) берет начало и «идейная», «беспочвенная» оторванность русской интеллигенции от народной массы, не преодоленная и до настоящего времени (правительства – народ). Стоит согласиться с автором в трактовке русской культуры как гуманистической ценности народа, поскольку иные социальные механизмы (экономика, политика, право и т.д.) не несут столь активной нагрузки в плане духовного самоопределения человека. Концепция духовно-гуманистического познания рассматривается им как освобождение человека от «тисков необходимости». «Культура как определенный образ жизни, действий... предполагает серьезную философскую методологическую базу познания социального процесса. Философия задает априоризм культуре, делает ее способной опережать события. Только в таком понимании культуры человек обеспечен свободными условиями своей жизни» (С. 242). В русской религиозной философии свобода есть цель и смысл человеческого существования (свобода = вера = Истина). Обладание Истиной делает человека свободным, благодаря чему он перестает ощущать историю как «внешне навязанную» и начинает чувствовать ее как внутреннее, духовное со-бытие. К единству русской философии и культуры ведет цельное мировоззрение, но исторические перспективы развития российского социума во многом определяются этико-педагогическими основами, духовным опытом нации. Заслуживает внимание актуализация автором значимости философско-педагогической традиции в общем континууме общественной жизни (С. 252 – 268). Достаточно четко им определена роль классической литературы и публицистики XIX века в становлении русской философии и культуры, их органичный и взаимообусловленный синтез (А.С. Пушкин, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, В.В. Розанов и др.). И хотя масштаб книги предполагает вскользь затронутые: социально-культурную, эстетическую, смысло-жизненную грани философско-литературного синтеза (без захода на другие проблемы), но автор правильно обозначил их глубинную онтологическую основу, определил методологические плоскости интегрального анализа (С. 279 – 280). «Золотой век» русской культуры во многом связан с поисками ответов на вызовы времени: общественные, политические, экономические и т.д. метаморфозы, где «маленькому человеку» не находилось места. Альтернативой явились «освобождающие» позиции русской религиозной философии: панморализм, теократия, Богочеловечество, экзистенциализм, космизм и т.д. А.С. Стрельцов справедливо отметил, что возрастающий интерес к православным ценностям в обществе мог интерпретироваться по-разному, но, безусловно, был положен в основу социокультурного контекста российской цивилизации.

Замыкает цикл работ небольшая краеведческая зарисовка, посвященная «Калужскому краю в истории русской религиозной философии» (С. 314 – 316). Здесь представлены наиболее яркие фигуры, внесшие вклад в развитие традиций русской философии и культуры (братья И. и П. Киреевские, К.Н. Леонтьев, братья Е. и С. Трубецкие, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский).



В целом монография А.С. Стрельцова представляется несомненной творческой удачей. Осуществленное автором исследование интегральной связи сущности предметов и методологических приемов русской философии и культуры является значительным вкладом в философскую и культурологическую проблематику отечественной мысли. Ему удалось через архитектонику культурно-философского континуума вывести тематическую составляющую социокультурных процессов в России XIX – начала XX веков.

INTEGRAL INTERCOMMUNICATION AND MEANING DISPLAY OF PHILOSOPHY AND CULTURE IN RUSSIAN RELIGIOUS TRADITIONS OF THE XIX–th CENTURE

M. A. SHAROVA

*Kaluga State University names
of K. Chiolkovsky*

*e-mail:
SHAROV.KALUGA@mail.ru*

In his work «Great service to Russian religious philosophy» doctor of philosophy, professor A. S. Streltsov gives the analysis of the problems of methodology of culture and traditions of Russian thought as the unique socio – cultural phenomenon.

Key words: russian religious philosophy, culture, methodology, historical and philosophical synthesis.